

И. Ю. Александров

К вопросу об истории становления русского космизма

Культурный феномен русского космизма в полной мере раскрылся в России в период горбачевской «перестройки». Группа мыслителей, которую принято относить к русским космистам, впервые была выделена в конце 60-х гг. XX в. участниками Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. По-видимому, первое упоминание понятия «русский космизм» западными исследователями содержится в монографии М. Хагемайстера, опубликованной в 1989 г. Изучение литературно-философского наследия Н. Ф. Федорова западными исследователями осуществлялось ранее преимущественно в рамках концепции прометеанства. В первые два десятилетия XXI в. как у западных, так и у отечественных исследователей преобладает ошибочное представление о Н. Ф. Федорове как о «родоначальнике русского космизма», а также о К. Э. Циолковском, А. Л. Чижевском и В. И. Вернадском как о выразителях его идей. Первая публикация С. Г. Семеновой с концепцией русского космизма с Н. Ф. Федоровым в качестве его родоначальника вышла в свет в т. 9 «Краткой литературной энциклопедии» в 1978 г. Надежды на «воскрешение отцов» близки только последователям учения Н. Ф. Федорова. К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский и другие крупные русские космисты сторонниками «учения о воскрешении» не были. Современные последователи учения Н. Ф. Федорова используют концепцию «русского космизма» как влиятельного направления в отечественной философской и научной мысли для пропаганды своих религиозных идей. Суть учения федоровцев – трансгуманизм, который замаскирован под христианизированными морально-этическими представлениями.

Ключевые слова: русский космизм, культурное пространство, период «перестройки», культурный феномен русского космизма, учение Н. Ф. Федорова о воскрешении, трансгуманизм

Ilya Y. Alexandrov

On the question of the history of the formation of Russian cosmism

The cultural phenomenon of Russian cosmism was fully revealed in Russia during the period of Gorbachev's «perestroika». The group of thinkers, which is usually attributed to the Russian cosmists, was first identified in the late sixties of the XX century by the participants of Scientific Readings in memory of K. E. Tsiolkovsky. The first mention of the concept of «Russian cosmism» by Western researchers is contained in a monograph by M. Hagemeister published in 1989. The study of the literary and philosophical heritage of N. F. Fedorov by Western researchers was previously conducted within the framework of the concept of Prometheanism. In the first two decades of the XXI century, both Western and domestic researchers are dominated by an erroneous idea of N. F. Fedorov as the “ancestor of Russian cosmism”, as well as K. E. Tsiolkovsky, A. L. Chizhevsky and V. I. Vernadsky as spokespeople for his ideas. The first article by S. G. Semenova with the concept of Russian cosmism with N. F. Fedorov as its founder was published in vol. 9 of the Concise Literary Encyclopedia in 1978. Hopes for the «resurrection of the fathers» are close only to the followers of the teachings of N. F. Fedorov. K. E. Tsiolkovsky, A. L. Chizhevsky, V. I. Vernadsky and other major Russian cosmists were not supporters of N. F. Fedorov's «doctrine of resurrection». Modern followers of N. F. Fedorov's teaching use the concept of «Russian cosmism» as an influential trend in Russian philosophical and scientific thought to promote their religious ideas. The essence of the teachings of the Fedorovites is transhumanism, which is disguised under Christianized moral and ethical ideas.

Keywords: Russian cosmism, cultural space, period of «perestroika», cultural phenomenon of Russian cosmism, N. F. Fedorov`s teaching on resurrection, transhumanism

DOI 10.30725/2619-0303-2023-2-6-12

Русский космизм – это культурный феномен периода горбачевской «перестройки». По-видимому, первое упоминание понятия «русский космизм» западными исследователями содержится в опубликованной в 1989 г. монографии М. Хагемайстера.

Это исследование посвящено Н. Ф. Федорову, пропаганде «учения о воскрешении» его учениками и рецепции этих идей мыслителями вплоть до середины 1930-х гг., когда традиция фактически прерывается. Во введении к монографии Хагемайстер

отмечает, что в последнее время творчество Федорова все чаще рассматривается в рамках философско-мировоззренческой концепции, которая под названием «русское космическое мышление», или «русский космизм» привлекает растущее внимание и пользуется успехом в советской прессе, но до сих пор оставалась практически незамеченной на Западе [1, С. 8]. Показательно, что Э. Кутайсофф во введении к изданию избранных трудов Н. Ф. Федорова (1990 г.) понятие «русский космизм» не использует, хотя и проводит параллели между учениями Федорова и Тейяра де Шардена, ставит вопрос о возможном влиянии его учения на будущие космические проекты К. Э. Циолковского. Э. Кутайсофф характеризует идеи Н. Ф. Федорова с помощью понятия ««прометеанский утопизм» из-за его веры в науку и человеческий разум» [2, р. 12]. Влияние идей Федорова на русских мыслителей первых десятилетий XX в. на Западе задолго до «перестройки» в нашей стране исследовалось литературоведами и философами, но понятия «русский космизм» еще не существовало. Дж. Клайн в работе «Религиозная и антирелигиозная мысль в России» (1968 г.), не используя понятия «русский космизм», упоминает Н. Ф. Федорова как создателя проекта достижения физического бессмертия и даже воскрешения мертвых. В то время как проект Федорова моральный и религиозный, как по мотивации, так и по терминологии, в версии советской «псевдорелигии» такого рода идеи представляли в секуляризованном и вульгаризированном виде. К первой разновидности псевдорелигии Клайн относит ортодоксальный марксизм, которого, по его мнению, придерживались лишь 1–2% населения. Второй разновидностью советской псевдорелигии Клайн называет «научно-технический прометеанизм» [3, р. 164]. Здесь у Клайна рассмотрены высказывания советских ученых по проблеме максимального увеличения продолжительности человеческой жизни и на пределе – полной победы над смертью. Такого рода веру в беспредельные возможности науки и техники сегодня относят к трансгуманизму.

Н. Ф. Федоров в первую очередь благодаря популяризации его идей Н. А. Бердяевым относится к наиболее известным на Западе русским мыслителям. Бердяев обсуждал различные аспекты воскресительного федоровского проекта, высоко оценивал чувство солидарности людей в

его видении будущего, но трактаты его не содержат представления о «русском космизме». Нет речи о «русском космизме» и у В. В. Зеньковского в «Истории русской философии» (1948 г.). Ф. Коплстон в вышедшей в свет в 1986 г. «Философии в России» уделяет внимание пониманию Федоровым прогресса как братства, а также влиянию его идеи «воскрешения отцов» на философию В. С. Соловьева [4, р. 228–229]. Он указывает также, что вера в воскрешение мертвых Бердяева имела источником не только христианство, но философию Федорова, при том что идею научного воскрешения Бердяев не принял [4, р. 385]. Понятия «космизм» и «русский космизм» Коплстоном не упоминаются. В написанных в либеральном ключе западных исследованиях по истории отечественной мысли Федоров может не упоминаться совсем. Такова, в частности, работа И. Берлина [5]. В вышедшей в свет в 1992 г. монографии Айрин Масинг-Делич, которая посвящена влиянию «учения о воскрешении» Н. Ф. Федорова на русских писателей и поэтов XX в., понятие «русский космизм» отсутствует [6]. В вышедшем в России в 2020 г. переработанном варианте этой книги Масинг-Делич отмечает, что в 60-х гг. XX в. западная русистика мало интересовалась «утопиями» воскресительных проектов, но в наши дни Федоров хорошо известен специалистам по русской культуре. Русскоязычное издание книги содержит утверждение о том, что «федоровизм и космизм также становятся достоянием более широких кругов, о чем свидетельствует выход в 2018 году книги "Russian Cosmism", антологии текстов федоровистов и космистов [Groys (ed.) 2018]» [7, с. 11]. Б. Е. Гройс, как и Масинг-Делич в упомянутом ею издании, космизм рассматривает через центральную связующую идею воскрешения мертвых, что неправомерно возвышает «учение о воскрешении» Н. Ф. Федорова по отношению к другим учениям русских космистов и фактически превращает его в предысторию трансгуманизма. Дж. Янг, излагая историю рецепции идей Н. Ф. Федорова в академических кругах американских ученых, отмечает, что впервые они обрели значимость задолго до постгуманистических дискуссий в контексте изучения их следов в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского [8, с. 281–282]. О рецепции идей Федорова позднейшими русскими космистами Янг говорит только в своей монографии 2012 г. [9] и последующих публи-

кациях. Ранее в статье «Федоровские трансформации оккультизма» из вышедшего в свет в 1997 г. сборника, посвященного роли оккультных учений в отечественной культуре, понятие «русский космизм» Янг еще не использовал [10]. Отмечу, что достоинством исследований Масинг-Делич является дистанцирование ею от пропаганды «учения о воскрешении». Вера федоровцев в реализуемость проекта их учителя не позволяет им критически оценивать различные грани его литературно-философского наследия.

М. Хагемайстер и Дж. Янг, авторы двух наиболее значительных западных монографий, в которых исследуется русский космизм, посвятили их в первую очередь Н. Ф. Федорову и влиянию его идей. Научный авторитет исследователей и пропагандистов наследия Н. Ф. Федорова С. Г. Семенов и А. Г. Гачевой способствовал тому, чтобы западные ученые в большинстве своем подходили к изучению русского космизма с помощью «специальных очков» федоровской парадигмы. Напротив, в годы «перестройки» в России русский космизм был признан значительным явлением отечественной мысли в первую очередь благодаря представлению о живом развивающемся космосе В. И. Вернадского, рассматривавшего переход биосферы в стадию ноосферы на нашей планете как естественный этап его эволюции. Для В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, В. П. Казначеева и других крупных ученых-космистов живое принципиально отличается неживого, оно развивается и функционирует под непрерывным воздействием всевозможных космических излучений. Русскому космизму чужд трансгуманизм, изолирующий человека от космоса и пропагандирующий преимущества технического перед естественным живым. В отечественном культурном пространстве периода «перестройки» идеи трансгуманизма еще не были представлены. Положения «учения о воскрешении» Н. Ф. Федорова активно обсуждались в годы «перестройки», но они не были доминирующими. Для понимания становления русского космизма важно осмыслить трансформацию образа этого эклектичного учения, противоречиво сочетавшего в себе концепции разных мыслителей от ноосферных представлений периода «перестройки» к доминированию федоровских идей в первые два десятилетия XXI в. с тенденцией к подмене их трансгуманистическими. Нужно отметить, что учение Н. Ф. Федорова не по-

нималось как исходное и ведущее среди учений отечественных космистов и в период выделения этой группы мыслителей на рубеже 60–70-х гг. XX в. в нашей стране.

В первом упоминании в печати в 1970 г. понятия «русский космизм» Р. А. Гальцевой группа мыслителей: В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и К. Э. Циолковский объединена представлением о «Вселенной и человеке как о единой системе со своей регулирующей (гомеостасисом)» [11, с. 624], о технической переделке естественных космических объектов речь при этом не шла. Н. Ф. Федоров и П. А. Флоренский упомянуты в статье Гальцевой как «отчасти» принадлежащие к русскому космизму, возможно по причине их религиозности. Гальцева выделила в качестве существенного в научном мировоззрении Вернадского противопоставление им живого и косного вещества, веру в необратимость эволюции и усложнения живого вещества, связанные с постепенным нарастанием сил разума во Вселенной, а также оптимистичное видение им будущего человечества predeterminedное самими природными законами. После первого упоминания в печати понятия «русский космизм» Р. А. Гальцевой и вышедшей в свет в 1972 г. статьи Н. К. Гаврюшина «Из истории русского космизма. Калужский журнал „Уrania“ 1804 г.» [12], понятие это периодически начало появляться в словарных статьях. Однако признания подлинной значимости для науки и философии «русский космизм» до конца 80-х гг. XX в. не получил. Показательно, что выпущенный в 1986 г. видными отечественными учеными-естественниками сборник «В. И. Вернадский и современность» [13] не содержал упоминания понятия «русский космизм». К вкладу Вернадского в науку, как представлялось многим ученым в те годы, да и в наши дни, принадлежность к этому эклектичному течению мысли ничего существенного не добавляла. Русский космизм утвердился в отечественном культурном пространстве 80-х гг., в первую очередь, будучи созвучным экологической проблематике, активно разрабатывавшейся советскими учеными и философами. Выдвинутый в те годы крупным математиком-космистом Н. Н. Моисеевым «экологический императив» направлен на поддержание параметров биосферы, которые человечество своей жизнедеятельностью не имеет права нарушать, – в противном случае всех нас ожидает катастрофа. Академик В. С. Степин не случайно проводил параллели между русским космизмом и да-

К вопросу об истории становления русского космизма

осизмом [14, с. 682–697]. В 1990-е гг. русский космизм оставался учением о потоке космической эволюции, против которого идти безумно. В те годы искали мягких решений экологических проблем, трансгуманистический дискурс последних лет, напротив, пропагандирует полную переделку всего сущего.

Федоровский воскресительный проект с его надеждами «пересобрать» ушедших из жизни из могильной пыли открывает двери трансгуманизму. Сами сторонники «учения о воскрешении» стараются представить Н. Ф. Федорова органицистом, а не механицистом, противопоставить моральный и религиозный пафос его учения трансгуманистической безбожности, но федоровский редуционизм и грубый материализм не оставляют надежд на сохранение природы, ей объявлена война, и лишь после ее полного подчинения природа становится «вечным другом». Авторские концепты Н. Ф. Федорова сводятся лишь к одному идеалу – полной победе над смертью и превращению сущего становящегося в сущее вечное. Никто из русских космистов кроме Н. Ф. Федорова и последователей его идей не считал природу и смерть врагами. Федоровцы любят рассуждать об эволюции, но их надежды на обретение неразрывной с вечным телом личности связаны не с развитием, но с завершенностью. Оригинальность «учения о воскрешении» в том, что до него в философских трактатах и религиозных учениях материя этого мира рассматривалась как меональная, мнимая, нужная не сама по себе, но для возможностей совершенствования в ней духовного начала. Абсурдно было бы стремиться сохранить вечными отрезанные ногти или волосы. Федоров и последователи его идей опираются на некоторые библейские представления, нуждающиеся в экзегезе, но не в буквальном прочтении. «Упразднение смерти как последнего врага» [15] символизирует в первую очередь победу духовного над всем низшим в человеке. Новозаветное «сеется тело душевное – восстает тело духовное» [16] свидетельствует, что к проживаемой временной человеческой личности не может быть возврата, что нужна она с более высокой целью накопления «элементов бессмертия». Напротив, нуждающемуся в забвении в эволюционном развитии сознания маленькому миру личных страстей соответствует евангельское смертное «тело душевное». Экзегетическому толкованию, допускающему эволюционное развитие

сознания вплоть до слияния малой, заблуждающейся, но совершенствующейся человеческой воли с Волей Создателя посвящены, в частности, § 5 и 6 гл. VI книги третьей трактата «О началах» Оригена. Смерть в этой трактовке – это все то, что идет вразрез с Волей Создателя, земное тело человека преобразуется в нетленное по мере его одухотворения и соединения с Богом, но процесс этот, согласно Оригену, произойдет «не внезапно, а мало-по-малу и по частям в течение бесконечных и неисчислимых веков» [17, с. 298]. Бог выступает у Оригена в роли идеального педагога, веками помогающего человеку постепенно преобразовать свою душу. В трактате «О началах» дан образ цепочки людей, следующих друг за другом «к высшим степеням» приближения к Создателю, в то время как федоровцы, не нуждаясь в Боге, хотят усилиями объединенного человечества научно-техническими средствами воскрешать тела ушедших «отцов».

Созданная С. Г. Семеновой концепция «христианского космизма» представляет собой искусственное образование, реально из отечественных космистов при обосновании своих идей на библейские представления пытаются опереться лишь федоровцы. Подобно претензиям средневековых христиан на единственность их спасительного учения, современные федоровцы полагают, что их понимание русского космизма обладает особым статусом. Первое упоминание космизма в смысле «развития» идей Н. Ф. Федорова, по-видимому, было сделано С. Г. Семеновой в 1978 г. в т. 9 «Краткой литературной энциклопедии». Семенова называет Федорова «русским мыслителем-утопистом, родоначальником философии космизма» [18, с. 755]. Выражение «русский космизм» к тому времени уже встречалось в отечественной научной литературе, но без утверждения о том, что Н. Ф. Федоров был его родоначальником. Так в вышедшем в свет в 1977 г. т. 27 3-го издания БСЭ Н. Ф. Федоров назван «русским мыслителем-утопистом, представителем русского космизма» [19]. Литературно-философское наследие Н. Ф. Федорова было достаточно хорошо известно отечественным исследователям и до начала пропаганды С. Г. Семеновой русского космизма с Федоровым в качестве его родоначальника. Отмечу обстоятельную статью Д. Н. Ляликова «Н. Ф. Федоров» в т. 5 «Философской энциклопедии» [20]. Наличие общности идей

у русских космистов без такого их именования была очевидна уже в 60-х гг. XX в. И. И. Мочалову, И. М. Забелину, группе исследователей, принимавших участие в Научных чтениях памяти К. Э. Циолковского в Калуге, и, по-видимому, большому числу исследователей, но в условиях монополии на истину советского марксизма было невозможно публично пропагандировать идеи космистов, выходявшие далеко за горизонты упрощенных материалистических представлений.

Полноценная пропаганда «учения о воскрешении» стала возможна только в конце 1980-х гг. Большой популярности русского космизма в годы «перестройки» поспособствовало издание С. Г. Семеновой однотомника сочинений Н. Ф. Федорова в 1982 г. Изданная с огромным трудом книга незамедлительно подверглась травле, как со стороны ученых, так и со стороны церкви. Федоровцы по сей день не могут простить Н. К. Гаврюшину публикацию написанной под псевдонимом статьи, в которой показано, насколько далеко взгляды Н. Ф. Федорова от православной ортодоксии [21]. Статья, очевидно, написана была по заказу контролирующих проявления инакомыслия органов, вместе с тем написана она была искренне – Гаврюшин не изменил свое отношение к «учению о воскрешении» и в последующие годы. Ставшее доступным интеллигентной ограниченной число экземпляров однотомника Федорова дало толчок интересу к корням отечественной философской мысли.

В этом однотомнике понятие «русский космизм» С. Г. Семенова не использовала, рассматривая идеи Н. Ф. Федорова вместе с идеями К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, В. И. Вернадского и других мыслителей. Ранее с идеями этих же мыслителей положения учения Федорова она рассматривала в № 11 за 1977 г. альманаха «Прометей», где ею были выделены два подхода к проблеме воскрешения: вульгарно материалистический и связанный с раскрытием тайн наследственности. По мнению Семеновой, редуccionистским является только первый подход Федорова, связанный с собиранием рассеянных частиц праха умерших в космосе и воссозданием из них их тел. Создатель «учения о воскрешении» был убежден в том, что «само рассеяние частиц не может выступить за пределы конечного пространства; что организм – машина, и что сознание относится к нему как желчь

к печени; соберите машину и сознание возвратится к ней!» [22, с. 258]. Второй подход к проблеме воскрешения у Федорова Семенова условно назвала «требованием своеобразной всеобщей рентгенограммы генетического кода человечества» [23, с. 91]. По замыслу Федорова, сын и дочь должны восстановить к жизни своих отца и мать, а те в свою очередь своих родителей и так до Адама с Евой. Согласно Федорову, душа человека – это «две биографии, соединенные в один образ» [22, с. 282]. Очевиден редуccionизм этого представления о душе человека, не допускающий каких-либо индивидуальных особенностей ее развития, такая душа полностью детерминирована «программами» родителей. В «Прометее» Семенова без использования понятия «трансгуманизм», которое к тому времени еще не вошло в употребление, фактически выступила с первым российским трансгуманистическим манифестом. По ее мнению, «нет принципиальной научной невозможности восстановить предка, который “записал” себя по частям в целом роде своих потомков, восстановить его через самих этих потомков» [23, с. 91]. Федоровцы апеллируют к нравственному долгу детей перед родителями в их «воскрешении», но суть их учения – это трансгуманизм, спрятанный под христианизированной риторикой.

В период «перестройки» сложились особые политические и культурные условия для раскрытия феномена «русского космизма», Россия стремилась дистанцироваться от тоталитарного прошлого, но будущего своего конкретно не представляла. Для скептического М. Хагемайстера русский космизм – это очередная русская «спасительная» идеология, утопическая суть которой может привести к последствиям, сопоставимым с повсеместным воплощением в жизнь коммунистических идеалов. Напротив, многие россияне в те годы предчувствовали преобразование мира «любовью как принципом бытия». Внезапно без предварительного долгого развития соответствующей философской традиции было осознано, что «мы живем в эпоху космизма». А. В. Гулыга, видный отечественный философ-германист, опубликовав многочисленные монографии, которые были посвящены немецкой философской классике, теперь утверждал, что «русский космизм – это последнее слово философии. Больше ей сказать нечего...» [24, с. 34]. Русский космизм в одночасье обрел огромную популярность у интеллигенции.

К вопросу об истории становления русского космизма

Правилом хорошего тона стало ссылаться на В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и других мыслителей, чьи идеи в эти годы воспринимались как некое единое русское миропонимание. С. Г. Семенов и А. Г. Гачева в этот период времени умело воспользовались эклектичностью идей, собранных под названием «русский космизм», чтобы представить Н. Ф. Федорова в качестве родоначальника этого учения, пропагандируя таким способом весьма специфические религиозные взгляды. И нужно отдать должное этим исследовательницам и пропагандистам «учения о воскрешении» – для научного изучения русского космизма ими сделано очень многое. Тщательно подготовленные издания трудов Н. Ф. Федорова, последователей его учения А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, В. Н. Муравьева, организованные многочисленные научные конференции, популярные публичные лекции и многое другое по праву поставили в особое положение среди исследователей русского космизма С. Г. Семенову и А. Г. Гачеву.

Важную роль сыграла первая посвященная русскому космизму отечественная антология, которая была подготовлена этими исследовательницами. Тексты в этой антологии подобраны в переключке с идеями Н. Ф. Федорова, а сам создатель «учения о воскрешении» назван С. Г. Семеновой «родоначальником всей активно-эволюционной, космической мысли в России» [25, с. 8]. Отмечу, что существуют отечественные издания русских космистов, в которых Н. Ф. Федорову не уделяется первенство, а космисты при этом не показаны в той или иной мере понявшими и раскрывшими положения его учения.

К примеру, в подготовленной О. А. Карченцевым антологии скрепляющими русский космизм выступают органицизм и идея всеединства [26]. Б. Е. Кнорре точно подметил, что федоровцев интересует не столько космос, сколько информационные технологии, превратившиеся в универсальное средство решения всех проблем, в том числе победы над смертью [27, с. 171]. За три с лишним десятилетия пропаганды «учения о воскрешении» как ядра русского космизма исследователи в подавляющем большинстве своим привыкли принимать концепты С. Г. Семеновой без какого-либо критического осмысления, вместе с тем федоровская парадигма нуждается, прежде всего, в осознании ее наличия.

Список литературы

1. Hagemester M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verl. Otto Sagner, 1989. 550 S.
2. Fedorov N. F. What was man created for?: the philosophy of the common task: selected works / introd. E. Koutaissoff. S. I: Honeyglen publ. / L'Age d'Homme. 1990. 267 p.
3. Kline G. L. Religious and Anti-Religious Thought in Russia. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1968. 179 p.
4. Copleston F. Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 1986. 445 p.
5. Берлин И. Русские мыслители. Москва: Энциклопедия-ру, 2017. 496 с.
6. Masing-Delic I. Abolishing Death. A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1992. 363 p.
7. Масинг-Делич А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века. Санкт-Петербург: БиблиоРоссика: Acad. Studies Press, 2020. 464 с.
8. Янг Дж. Федоров в США // Философ общего дела: материалы междунар. науч. чтений памяти Н. Ф. Федорова. Москва: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022. С. 280–310.
9. Young G. M. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nikolai Fedorov and his followers. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 280 p.
10. Young G. M., jr. Fedorov's Transformations of the Occult // The occult in Russian and Soviet culture / ed. B. G. Rosenthal. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1997. P. 171–183.
11. Гальцева Р. А. Вернадский Владимир Иванович // Философская энциклопедия. Москва: Совет. энцикл., 1970. Т. 5. С. 624–625.
12. Гаврюшин Н. К. Из истории русского космизма. Калужский журнал «Урания» 1804 г. // Труды V и VI чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Москва, 1972. С. 104–106.
13. В. И. Вернадский и современность: сб. ст. / отв. ред. А. Г. Назаров. Москва: Наука, 1986. 229 с.
14. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, ист. эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
15. 1 Кор.15:26
16. 1 Кор.15:44
17. Ориген. О началах. Казань: Изд. Казан. духов. акад., 1899. 453 с.
18. Семенова С. Г. Федоров, Николай Федорович // Краткая литературная энциклопедия. Москва: Совет. энцикл., 1978. Т. 9. С. 755–756.
19. Федоров Николай Федорович // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Москва: Совет. энцикл., 1977. Т. 27. С. 260.

20. Ляликов Д. Н. Федоров, Николай Федорович // *Философская энциклопедия*. Москва: Совет. энцикл., 1970. Т. 5. С. 308–309.

21. А. М. (Гаврюшин Н. К.) Воскрешение чаемое или восхищаемое? // *Богословские труды*. Москва: Изд. Моск. Патриархии, 1983. Сб. 24. С. 242–259.

22. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н. Ф. *Собрание сочинений*: в 4 т. Москва: Изд. группа «Прогресс», 1995. Т. I. С. 228–303.

23. Семенова С. Г. Николай Федорович Федоров (*Жизнь и учение*) // *Прометей*. 1977. № 11. С. 87–106.

24. Гулыга А. В. Космическая ответственность духа // *Наука и религия*. 1989. № 8. С. 32–34.

25. Семенова С. Г. Русский космизм // *Русский космизм. Антология философской мысли* / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. Москва: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.

26. Грезы о Земле и небе. Антология русского космизма / сост., вступ. ст., коммент. О. А. Карценцева. Санкт-Петербург: Худож. лит., 1995. 528 с.

27. Кнорре Б. Е. В поисках бессмертия: Федоровское религиозно-философское движение: история и современность. Москва: USSR: ЛКИ, 2008. 188 с.

References

1. Hagemester M. Nikolai Fedorov. *Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München: Verl. Otto Sagner, 1989. 550.

2. Fedorov N. F.; Koutaissoff E. (introd.). What was man created for?: the philosophy of the common task: selected works. S. I.: Honeyglen publ. / *L'Age d'Homme*, 1990. 267.

3. Kline G. L. *Religious and Anti-Religious Thought in Russia*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1968. 179.

4. Copleston F. *Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev*. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 1986. 445.

5. Berlin I. *Russian thinkers* Moscow: «Encyclopedia-ru», 2017. 496 (in Russ.).

6. Masing-Delic I. *Abolishing Death. A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1992. 363.

7. Masing-Delic A. *Abolition of death The myth of salvation in Russian literature of the 20th century*. Sankt-Petersburg: BiblioRossica: Acad. Studies Press, 2020. 464 (in Russ.).

8. Yang J. *Fedorov in USA. Philosopher of the general business: materials of intern. sci. reading memory named of N. F. Fedorova*. Moscow, 2022. 280–310 (in Russ.).

9. Young G. M. *The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nikolai Fedorov and his followers*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 280.

10. Young GM, jr. *Fedorov's Transformations of the Occult. The occult in Russian and Soviet culture* / ed. B. G. Rosenthal. Ithaca; London: Cornell Univ. press, 1997. 171–183.

11. Galtseva P. A. *Vernadsky Vladimir Ivanovich. Philosophical encyclopedia*. Moscow: Soviet encyclopedia, 1970. 5, 624–625 (in Russ.).

12. Gavryushin N. K. *From the history of Russian cosmism. Kaluga magazine «Urania» 1804. Proceedings of the V and VI readings dedicated to the development of the scientific heritage and the development of the ideas of K. E. Tsiolkovsky*. Moscow, 1972. 104–106 (in Russ.).

13. A. G. Nazarov (ed.). *V. I. Vernadsky and the present: coll. of arts*. Moscow: Nauka, 1986. 229 (in Russ.).

14. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, ist. evolution*. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 743.

15. 1 Corinthians 15:26

16. 1 Corinthians 15:44

17. Origen. *About beginnings*. Kazan', 1899. 453 (in Russ.).

18. Semenova S. G. *Fedorov, Nikolai Fedorovich. Brief literary encyclopedia*. Moscow: Soviet encyclopedia, 1978. 9, 755–756 (in Russ.).

19. Fedorov Nikolai Fedorovich. *Great soviet encyclopedia*. Ed. 3rd. Moscow: Soviet encyclopedia, 1977. 27, 260 (in Russ.).

20. Lyalikov D. N. *Fedorov, Nikolai Fedorovich. Philosophical encyclopedia*. Moscow: Soviet encyclopedia, 1970. 5, 308–309 (in Russ.).

21. A. M. (Gavryushin N. K.) *Resurrection expected or admired? Theological works*. Moscow: Ed. Moscow Patriarchy, 1983. 24, 242–259 (in Russ.).

22. Fedorov N. F. *The question of brotherhood, or kinship, the causes of the non-brotherly, unrelated, i. e., non-peaceful state of the world and the means to restore kinship*. Fedorov N. F. *Collected works: in 4 vols*. Moscow: Publ. house. Progress group, 1995. 1, 228–303 (in Russ.).

23. Semenova S. G. *Nikolai Fedorovich Fedorov (Life and Teachings)*. Prometheus. 1977. 11, 87–106 (in Russ.).

24. Gulyga A. V. *Cosmic responsibility of the spirit. Science and religion*. 1989. 8, 32–34 (in Russ.).

25. Semenova S. G. *Russian cosmism. Russian cosmism. Anthology of philosophical thought* / comp. S. G. Semenova, A. G. Gacheva. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 3–33 (in Russ.).

26. Karchentseva O. A. (comp., comment., introd. art.). *Dreams about the Earth and the sky. Anthology of Russian cosmism*. Saint-Petersburg: Hudozh. lit., 1995. 528 (in Russ.).

27. Knorre B. E. *In search of immortality: Fedorov's religious and philosophical movement: history and modernity*. Moscow: USSR: LKI, 2008. 188 (in Russ.).